

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Эльвира Смелик

СКАЖИ,

ЛИСА!

Эльвира Владимировна Смелик

Скажи, Лиса!

Серия «умные карточки»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11131943
Скажи, Лиса! Повесть: РОСМЭН; Москва; 2015
ISBN 978-5-353-07286-7*

Аннотация

Биолог по образованию и библиотекарь по профессии, Эльвира Смелик еще и талантливый писатель, автор нескольких книг для детей и подростков, лауреат многих литературных конкурсов. Повесть Э. Смелик «Скажи, Лиса!» в 2014 году получила диплом конкурса «Новая детская книга».

«Почему? Почему? Почему? Почему я молчала? Была глупой, самоуверенной дурой. Теперь-то я это понимаю. Да только поздно уже. Не переделаешь, не исправишь, не вернешь...» Случайно познакомившись с высоким симпатичным пареньком Тимофеем, Лиса не сразу понимает, что он наркоман, не осознает, насколько серьезно и страшно то, что с ним происходит; ей кажется, что она сама, без посторонней помощи, поможет другу справиться с бедой...

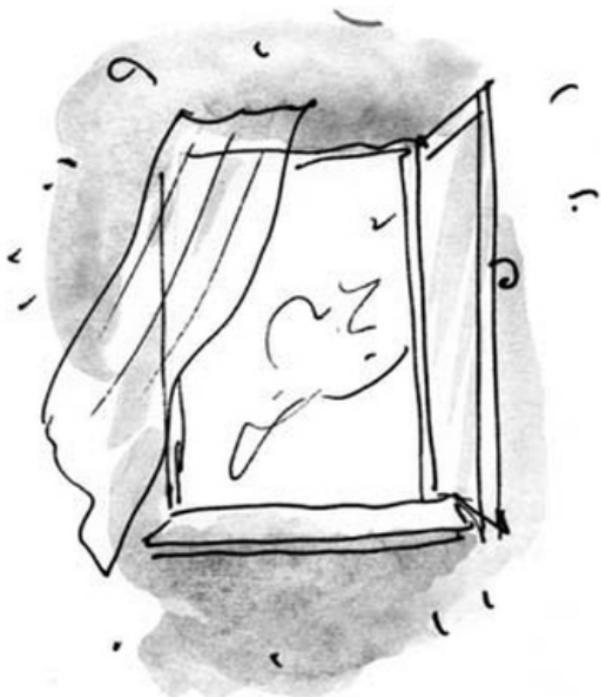
Содержание

Яночка с баночкой (точнее, с пузырьком)	5
Вырабатываем характер	14
Волейбол против химии	22
Я мыслю... и прочее и прочее	28
Симпатичный, ужасный и опасный	36
О зверях и птицах	43
Прозвище как один из критериев межличностных отношений	51
В эпистолярном жанре	63
Первым делом – Самолетов	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Эльвира
Владимировна Смелик**
Скажи, Лиса!
Повесть

**Яночка с баночкой
(точнее, с пузырьком)**

– Лиса! Ты совсем рехнулась?

Это обо мне.

Холодный ноябрьский ветер метался по кабинету химии, листал лежащие на партах ученические тетради, – тоже мне, нашел занятие! – а я сидела на подоконнике, выставив руку в приоткрытое окно. Мои пальцы сжимали кожаный ремешок школьной сумки. Не, не моей, Янки Фокиной.

Но сама Яна поначалу была слишком занята, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг. С самодовольным хихиканьем она откручивала крышку пузырька с клеем ПВА и прицельно вглядывалась внутрь стоящего на стуле рюкзака Полины Потатуевой. Поэтому мне пришлось громко позвать:

– Фокина!

Яна повернулась в мою сторону и вот именно тогда заорала:

– Лиса! Ты совсем рехнулась?

– Если капнешь хоть каплю, твое барахло полетит вниз, – пообещала я.

Сумка тихонько покачивалась, Янка следила за ней округлившимися глазами.

– Там же мобильник! И все остальное.

– И... – Я многозначительно посмотрела на Янку, предлагая сделать нужный вывод, но Фокина только стояла столбом и разевала рот. Пришлось подтолкнуть ее к действиям. – Ты сейчас...

Янка обиженно поджала губы, демонстративно завернула крышку, потом прошла к учительскому столу, твердо печатая шаги, со стуком поставила клей на место.

Я с облегчением втянула сумку в окно, брякнула ее на подоконник. Почему с облегчением? Рука у меня замерзла и устала.

Еще пара мгновений, и фокинские пожитки рухнули бы с высоты третьего этажа и раскатились, рассыпались, разлетелись по школьному двору.

– Ты, Лиса, совсем уже, – в меру осуждающе заявила Фокина, забирая сумку. – Это же просто шутка.

Я спрыгнула с подоконника и направилась к учительскому

столу.

– Вот сейчас вылью клей в твой баул, и мы вместе посме-
емся. Да?

Ничего не имею против самоутверждения. Но не за счет самых безропотных и беззащитных! А Потатуева в этом отношении находится где-то на одной ступени с дождевым червяком, неожиданно решившим переползти через самую оживленную городскую магистраль.

Она не разозлится, не скажет ни слова. Стараясь, чтоб никто не заметил, проглотит горечь и обиду и даже плакать будет про себя. А внедорожник Фокина и не заметит, что кого-то переехала насмерть.

Вообще Янка – не стерва и не дура. Глупые идеи приходят ей в голову не реже и не чаще, чем прочим. Не скажу, что она мне ненавистна или очень уж мила. Обычно я не обращаю на нее внимания, за исключением редких моментов – таких, как сейчас, – когда она вызывает у меня раздражение или легкое восхищение.

У нас в классе все девчонки симпатичные, и Фокина ничем не лучше других. Но она преподносит себя так, будто является самой красивой, самой умной, самой выдающейся. И окружающие, как ни странно, всегда попадают на эту удочку. Вот ведь способности у девицы! Она везде лезет вперед, заставляет смотреть только на себя, слушать только себя, а я обычно стою и жду, когда меня заметят. Иногда так

ждешь, ждешь и ничего не дождешься.

Интересно, как с этим обстоят дела у Потатуевой? Дождь-лась ли она хоть когда-нибудь чего-нибудь? Или ее никто никогда не замечал?

Химичка Золушка вошла в кабинет вместе со звонком, выжидающим взглядом обвела гудящий класс. Вообще-то ее зовут Зоя Витольдовна, но за глаза, конечно, никто так называть не собирается. Почему Золушка? Да очень просто. Если химичка оставалась в кабинете на время перемены, она только и занималась тем, что мыла пробирки и колбы, вытирала столы, отчищала оборудование, наводила порядок. Короче, не покладая рук трудилась по хозяйству с видом кротким и терпеливым. Совершенно как сказочная Золушка.

Потатуева появилась следом за химичкой. Проскользнула в дверь, словно тень, тихонько прошмыгнула на место. Зо-лушка в ее сторону даже не повернулась, будто Полина действительно была невидимая и неслышимая. Любой другой в подобной ситуации удостоился бы от химички хотя бы парочки язвительных слов. На Потатуеву даже не посмотрели.

Можно ли чувствовать досаду оттого, что тебя не ругают?

По лицу Полинки не определишь, какие эмоции она испытывает. Когда к ней обращаешься, она сразу опускает голову или смотрит, как мне кажется, с мольбой: «Ну пожа-луйста-пожалуйста-пожалуйста, только не трогай меня!»

Вырабатываем характер

Раньше я тоже была робкой и стеснительной. Я боялась звонить по телефону малознакомым людям, не решалась спросить, «кто последний» в поликлинике. Я чуть ли не с ужасом воспринимала мамину просьбу самостоятельно сходить за молоком или за хлебом.

Мама с недоумением выслушивала тысячи причин, почему я не могу этого сделать, и удивленно напоминала:

– Лисичка, магазин же всего в двух шагах.

Мало того, магазин располагался на первом этаже нашего дома. Но я предпочитала обходить его стороной.

Я бежала до ближайшего супермаркета. Там товары выбираешь сам, а с людьми встречаешься только на кассе. Кассир знает, что делать, ей не надо ничего объяснять. С ней вообще можно не разговаривать! А в нашем магазинчике стоял громоздкий стеклянный прилавок, над которым нависала самая кошмарная женщина на свете.

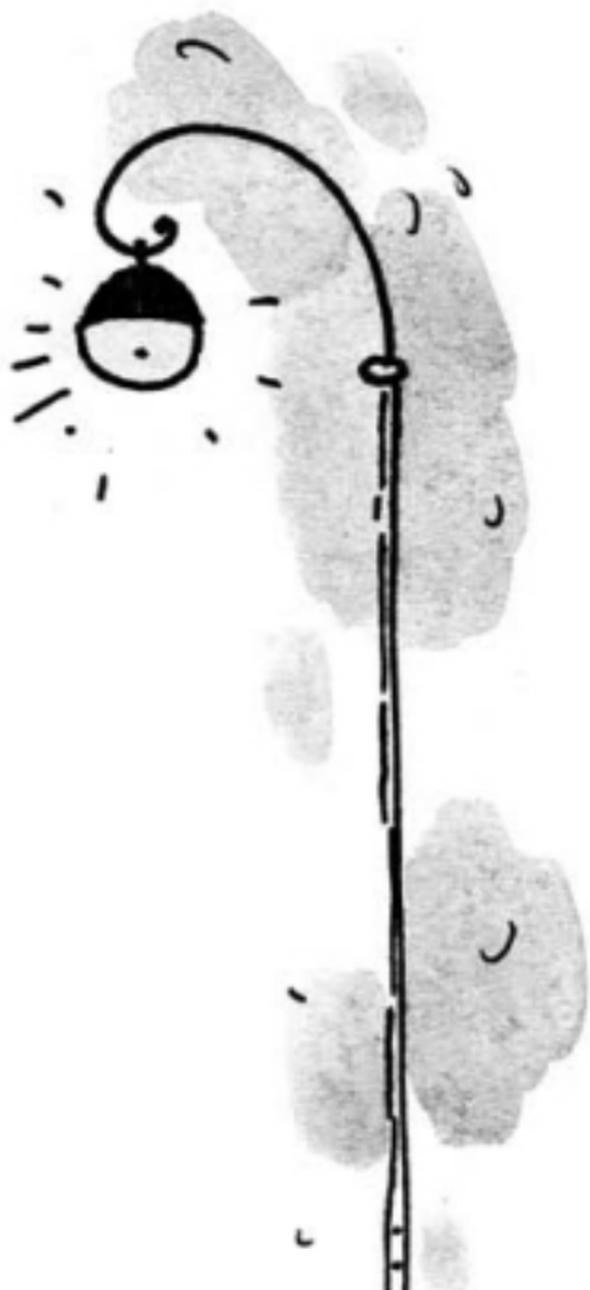
Она не была уродиной, не была безобразной и старой, но на всех, подходящих к ее прилавку, смотрела так, будто они что-то вроде назойливых мерзких насекомых, отравляющих ей жизнь. Мне казалось, она еле сдерживается, чтобы не схватить мухобойку побольше и прихлопнуть к черту всех покупателей. И лысого дяденьку, вьедливо изучающего ценники на колбасах. И бабульку божий одуванчик, которая упрямо пытается узнать, какое молоко свежее. И конечно, меня – самую маленькую и противную.

Однажды я проторчала в магазине почти час. Других покупателей не было, а эта монументальная дама за прилавком болтала по мобильнику. Я не решалась вклиниться в ее обращенный к невидимому собеседнику бесконечный монолог, ведь я прекрасно знала: взрослых перебивать нельзя и нельзя мешать тем, кто занят. Да и никакие силы в мире не заставили бы меня перебить ЕЕ.

Я послушно ждала, ждала, ждала, а продавщица говорила,

говорила, говорила, демонстративно пялясь на меня и убивая этим своим взглядом.

Я так и ушла, ничего не дождавшись, и дома ревела в подушку, и строила планы мести жестокой магазинной бегемотихе, и клялась себе, что больше никогда-никогда-никогда не окажусь в подобной ситуации.

Хватит робеть и бояться!

Вот Светка, моя подруга, легко заговаривает с кем угодно, одна ходит в магазин еще с первого класса и деловито спрашивает о грудничках молодых мамаш на детской площадке. А я чем хуже? Я, между прочим, учусь лучше Светки. Да и ростом немного повыше. Вот!

И стала я вырабатывать смелость: заставляла себя подходить к прохожим на улице и узнавать время.

Для первого раза я присмотрела женщину с маленьким ребенком, самую симпатичную и улыбчивую. И ребенок у нее был такой забавный. В толстом блестящем комбинезоне, не слишком удобном, отчего малыш казался похожим на шагающего по лунной поверхности космонавта. По-моему, мальчик. Маленький, а самостоятельный, в отличие от меня. Он бесстрашно залез на горку, отвергая помощь, и смело скатывался вниз. И мама, глядя на него, довольно и ласково улыбалась. Но все равно у меня коленки дрожали, когда я к ней направлялась, и слова как засели на полпути в горле, так выбираться наружу не спешили. Хорошо, что она сама у меня спросила:

– Тебе чего, девочка?

Голос у нее оказался приятный и ласковый. Тогда я выпалила:

– Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?

И ничего жуткого со мной не случилось. Не умерла я от

страха. И второй раз было уже легче, а потом вообще стало забавно и весело, и я подбегала чуть ли не ко всем подряд и повторяла, как доброе заклинание: «Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?»»

Может, Потатуевой рассказать о моем методе?

Волейбол против химии

От размышлений меня оторвала Золушка. Громко и многозначительно она зачитывала оценки за контрольную, но, пока не дошла до моей фамилии, я ее не слышала.

– Назарова... – Голос химички дрогнул и печально притух. – Два.

Я увидела, как поворачиваются в мою сторону головы одноклассников, и равнодушно пожала плечами в ответ на их взгляды. А Золушка трагическим голосом добавила:

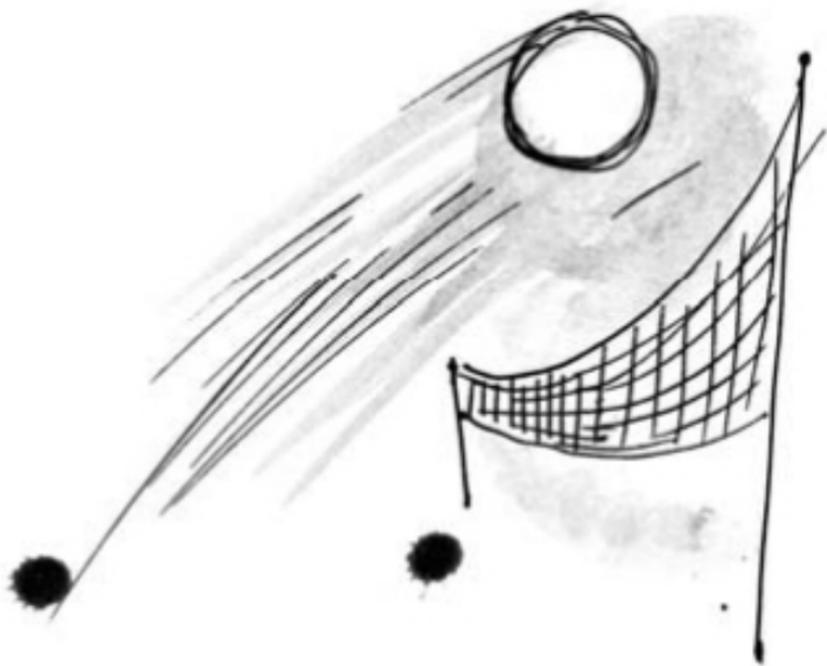
– Не ожидала я от тебя, Алиса.

А я ожидала. Я уверена была в этой двойке.

Не надо устраивать контрольные, когда десятый «А» играет в волейбол!

Окна кабинета химии выходят на школьный стадион, прямой наводкой на волейбольную площадку. Обычно по ней скачут девчонки; смотреть на них лично мне не доставляет никакого удовольствия. Но в день контрольной наши физруки, видимо, разрабатывали новые методики обучения. Девчонок они погнали на футбольное поле, мальчики играли в волейбол.

Люблю волейбол.

Сама я не играю. Точнее, играю, но... – как бы помягче выразиться? – фигово. Особенно это касается подачи. Луплю рукой по мячу так, что едва не ору от боли. А тот и до сетки не долетает.

Волейбол – единственная спортивная игра, которую я могу смотреть по телевизору. А уж в реале... да еще когда на площадке знакомые люди! Тем более десятый «А». И еще *темболée* – Юра Сокольников.

На него нельзя не залюбоваться: высокий, стройный, спортивный. Берет даже самые безнадежные подачи. А когда

ставит блок, взлетает ввысь, весь такой вытянутый, устремленный вверх.

Естественно, мне было не до контрольной. И вернуть меня на грешную землю оказалось некому. Светка старательно пыталась над задачами. Химия – не ее конек. Зато у нее есть упрямство и характер.

Очнулась я, только когда Золушка напомнила о времени, но это случилось за пять минут до звонка.

~~11~~ - 11

~~+~~

||

Вообще-то я успела написать парочку формул, но уже тогда прекрасно понимала, что Золушку они не удовлетворят, что тройку она мне сможет поставить, только отвернувшись и с закрытыми глазами. Поэтому двойка меня ни капли не удивила. Да и не расстроила. Химичка переживала из-за нее гораздо больше моего.

– Алиса, не понимаю. Одно дело, если бы было решено

неправильно. Но у тебя почти совсем ничего не решено. Почему?

Я опять пожала плечами. Не могла же я признаться перед классом, что весь урок пялилась на играющего в волейбол Сокольникова! Да я бы вообще никому и ни за что в этом не призналась. Даже Светке.

Я мыслю... и прочее и прочее

Утро незаметно растворилось в свете наступающего дня, волнение на море, носящем название «Моя жизнь», постепенно улеглось, уступив место обычной легкой ряби.

Да-да! Моя жизнь вполне спокойна и размеренна, без неожиданных грандиозных сюрпризов и крупных стихийных бедствий. Самое значительное и жуткое в ней – папина смерть.

Папа погиб в аварии. Но мне тогда едва исполнилось четыре, и я ничего не помню. Абсолютно. О том, что у меня был папа, мне известно только из маминых рассказов. Если бы она молчала, я бы так и осталась в неведении, думала бы, что я и она – вот и все, и никого другого не было.

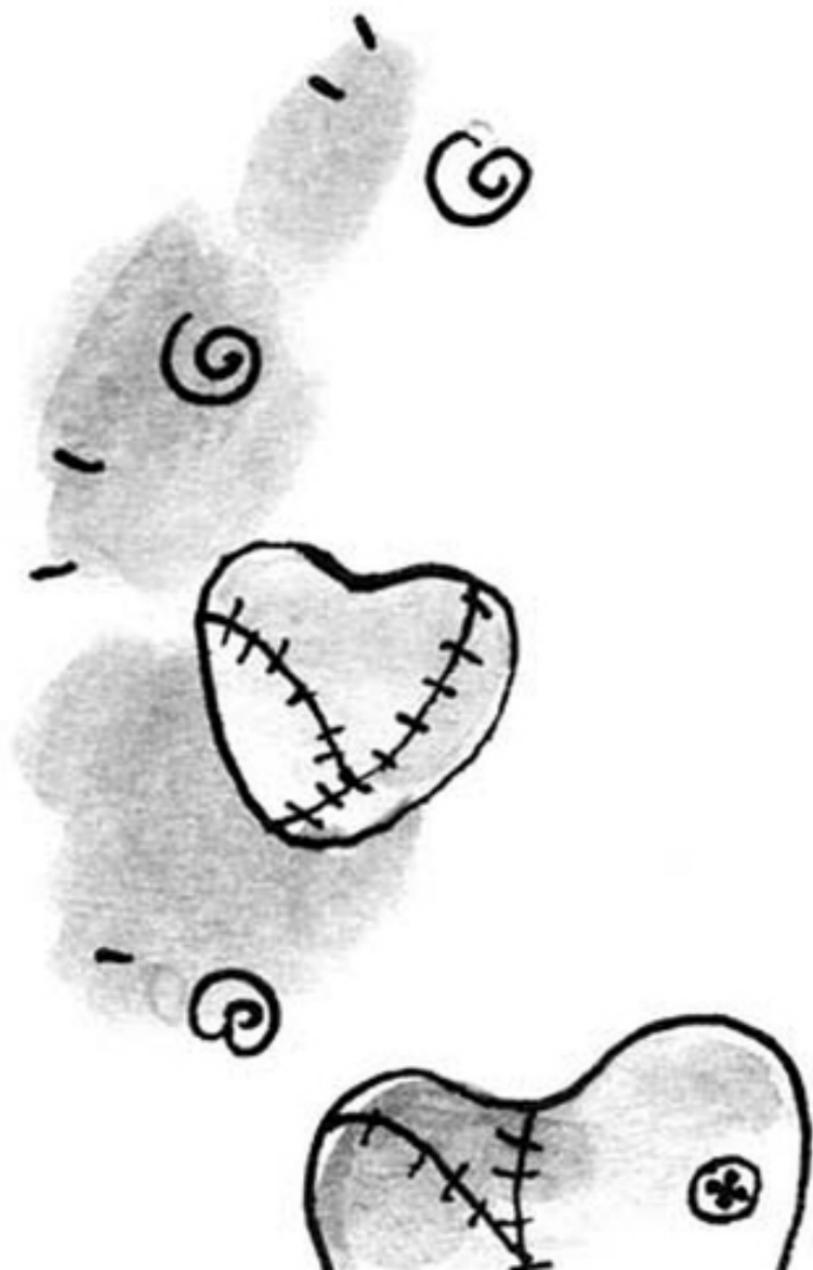
Без маминых рассказов папа будто бы и не существует. Как папа выглядит, я знаю по фотографиям. Он высокий. Но не стройный, наоборот, полноватый. Круглолицый, волосы чуть кучерявятся. Он похож на большого добродушного медведя. Такого, как в мультсериале про Машу.

Толик смотрится гораздо мужественней и представительней.

Толик – это...

Да ладно, чего уж там! Толик – это мамин жених. Роста он невысокого, но в остальном... Даже мы со Светкой единодушно признали его внешнюю привлекательность.

Мама познакомилась с Толиком года два назад, а сейчас у них все настолько серьезно, что...

– Назарова! – Это уже русичка Валентина Аркадьевна. – Тебя куда отмечать? В присутствующие или отсутствующие? О чем ты все время думаешь?

А может ли человек не думать?

От внезапного фантастического осознания того, что кто-то способен прочесть мои мысли, у меня мурашки бегут по спине. Я стараюсь не думать, но от этого думается еще сильнее. Всякие размышления начинают носиться у меня в голове сумасшедшей толпой. Самые глупые толкаются сильнее всех и практически насмерть затаптывают умных.

Я думаю о том, что думать нельзя; о том, какие мои мысли будут прочитаны; о том, что они, скорее всего, окажутся не очень приятными, потому как секунду назад я думала, что парню, стоящему рядом со мной в автобусе, не мешало бы почаще мыться и пользоваться дезодорантом, и, если он читает мои мысли...

Стоп!

– Валентина Аркадьевна, лучше в присутствующие. Потому что душой я всегда с вами. Где бы ни была и что бы ни делала.

– Ой, Назарова! – Русичка вроде бы с осуждением качает головой. Но я понимаю, что ее приятно позабавил мой отклик. Только она почему-то считает, что учителю не следует в этом признаваться.

Симпатичный, ужасный и опасный

Входная дверь подъезда медленно закрывалась за моей спиной, но в последний момент, когда она должна была с легким стуком вписаться в проем, кто-то удержал ее, чуть распахнул и с шелестом просочился в узкую щель. Я не видела, я слышала, звук за звуком, и неожиданность и поспешность случившегося мне не понравились.

Местные распахивают перед собой двери во всю ширь, гордо и самовлюбленно внося собственное тело в родной подъезд. Как же – хозяйева! А кому надо прошмыгнуть быстро и незаметно, в последний момент?

Ясно! За спиной моей притаилось нечто ужасное и опасное.

Не знаю почему, но я не рванула со всех ног по лестнице, а застыла на месте, и кто-то едва не врезался мне в спину.

Входная дверь все-таки стукнула, и тут же сзади прозвучал вопрос:

– Ты здесь живешь?

Ударение на «здесь».

Прежде чем нападать, обычно ни о чем не спрашивают, тем более о прописке; молча делают свое черное дело. Я не ответила, озадаченно обернулась. Ужасное и опасное оказалось вполне симпатичным: высоким, темноволосым, юным. Если и старше меня, то ненамного. И я слегка успокоилась. Может, напрасно?

Несколько секунд мы молча глазели друг на друга. Лично я размышляла: зачем ему знать, здесь я живу или нет, и стоит ли мне с ним разговаривать? А он, кажется, оценивал мои умственные способности и решал: не встретила ли ему вдруг глухонемая девушка?

Он не выдержал первым – похоже, торопился – и повторил, старательно и четко выговаривая слова:

– Ты здесь живешь?

Ударение по-прежнему на «здесь».

– Ну, – неопределенно протянула я, а он, подпрыгнув то ли от нетерпения, то ли от радости, устремился вверх.

– Пойдем!

«Куда пойдем? Почему – пойдем? Вот еще!»

Это я только хотела сказать – точнее, возмущенно выпалить, – но не успела, срочно пришлось разбираться с координацией и двигательными рефлексам. Иначе бы полетела я носом в затоптанные грязные ступеньки.

Симпатичный, ужасный и опасный, не дожидаясь ни согласия, ни возражения, поволок меня за собой.

Его пальцы крепко стискивали мое запястье, и я, путаясь в собственных ногах, послушно скакала вслед за ним вверх по лестнице. Только на площадке перед лифтом я сердито затрепыхалась, но моих движений, кажется, не заметили.

Мой похититель ткнул пальцем в кнопку вызова. Лифт, оказавшийся на первом этаже, гостеприимно раздвинул двери, и я оказалась внутри кабинки.

– Какой этаж?

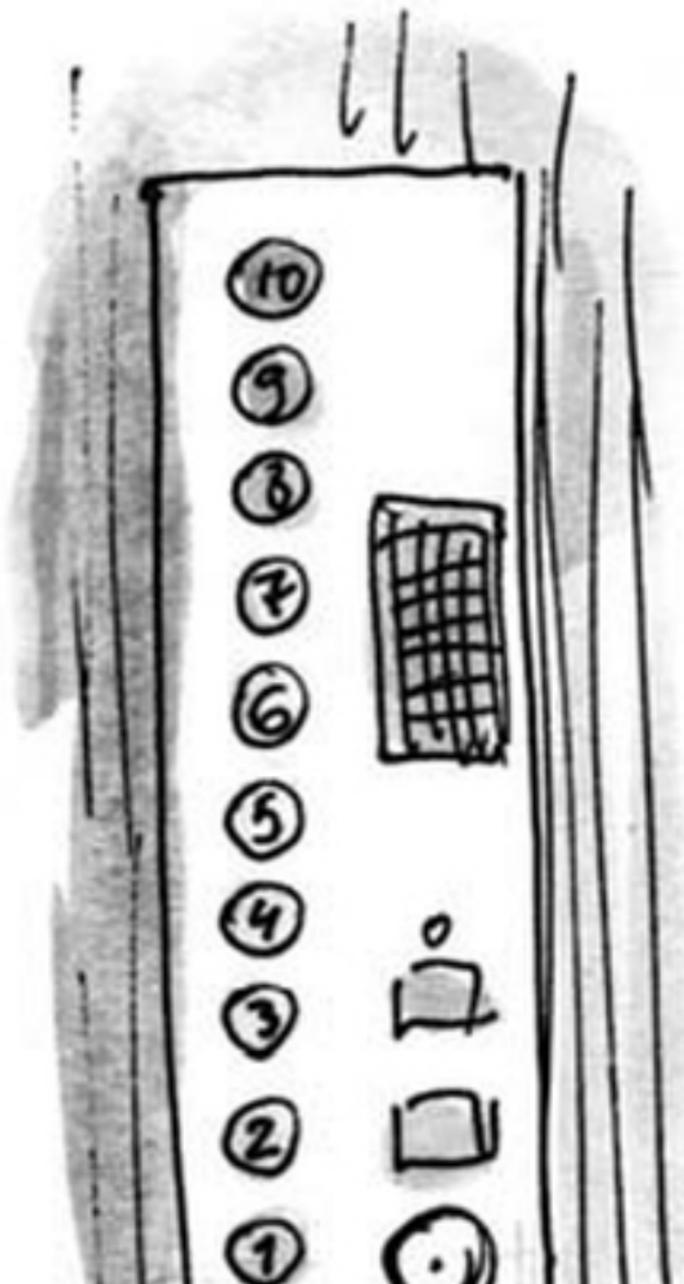
Я столько раз за свою жизнь слышала этот вопрос, что отвечала на него уже рефлекторно, как собака Павлова, пускающая слюни по звонку. Цифра вырывалась у меня раньше, чем я успевала осознать смысл обращенных ко мне слов.

– Пятый.

Симпатичный, ужасный и опасный, конечно же, надавил

на «пятерку». Пока двери двумя смыкающимися лезвиями отрезали нас от остального пространства, раздался сдавленный писк домофона. Симпатичный, ужасный и опасный вздрогнул, а вслед за ним вздрогнул лифт, срываясь с места и возносясь ввысь, а до меня наконец дошло: похититель вообще не собирается на меня нападать, он сам от кого-то скрывается.

0

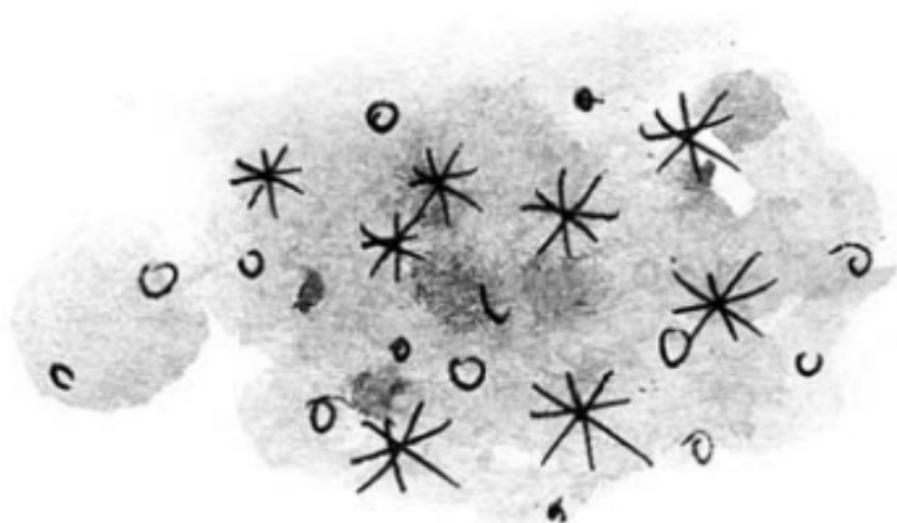
Я мгновенно прониклась к нему сочувствием и попыталась угадать, от кого он прячется и почему.

Моя благополучная, размеренная жизнь лишила меня возможности в таких вопросах обращаться к собственному опыту, перечислять же все дурацкие версии, которые мгновенно возникли в моем начитанном мозгу, не имело смысла. Тем более ехать до пятого этажа недолго.

Так и не выбрав версии, я вышла из лифта. Симпатичный, но, видимо, уже не ужасный и не опасный, дернулся было следом за мной, но потом остановился, ткнул в кнопку с цифрой «десять» и только тогда выскочил наружу.

Что еще за глупости?

О зверях и птицах

На нашей площадке, как и на любой другой в доме, располагались четыре квартиры, двери которых выходили в небольшой предбанник. Его отделяла от лестничной клетки еще одна дверь. Раньше она была обычной – белой, деревянной, с непрозрачным, словно подернутым инеем узорчатым стеклом. Но со временем дверь окрепла, возмужала, набрала вес, стала металлической, по цвету – ржаво-коричневой. Ключ от ее внушительного замка был огромным и ярко-желтым.

Держа его в руках, я ощущала себя Буратино: «В *ее* руках от счастья ключ...»

Когда мы ввалились в предбанник, снизу уже доносились торопливые гулкие шаги. Нашелся кто-то сердоболь-

ный, впустил страждущих.

Симпатичный, но несостоявшийся ужасный и опасный торопливо закрыл дверь и многозначительно глянул на золотой ключик, который я сжимала в руке.

Запираемый мною замок щелкнул, похититель выдохнул облегченно, прислонился спиной к стене. Выражение на его лице было сосредоточенным, он явно прислушивался к тому, что происходило на лестнице. А там, помимо шагов, звучали еще голоса. Взрослые. Мужские. Они приближались. Эхом отскакивали от стен и металась по лестничным пролетам. Вроде бы громко, а слов не разберешь. Настороженная пауза, а потом – бу-бу-бу, бу-бу-бу. Между собой и ни для кого больше.

Совсем близко.

Шаги по лестнице и шаги по ровной поверхности отличаются на слух. По ступенькам звучат ритмично и равномерно, а по площадке – без особого порядка. То торопливо, то медленно, то совсем затихая. Например, перед дверью.

Тут опять, наверное, виной моя начитанность, но в наступившей тишине мне показалось, что я слышу чужое дыхание за ржаво-коричневым металлом. А потом дверная ручка дернулась.

Честное слово, у меня сердце на мгновение остановилось. Вот же я прониклась напряженностью момента!

– Ну что? – донесся потусторонний голос, разочарованный и усталый. – Спускаемся или попремся до десятого?

– А какой смысл перетягиваться? – прозвучало в ответ. – Ты же сам слышал, как дверь хлопнула. Скорее всего, живет здесь. Десять этажей – сорок квартир. Представляешь, сколько народу? Разве теперь выяснишь кто?

Мы молчали еще минут пять, слушали, как звуки удаляются и стихают. Голоса на ножках. А потом посмотрели друг на друга.

– Меня Тимофей зовут.

Ответ опять вырвался из меня рефлекторно:

– Лиса.

Тимофей покрутил головой, пытаясь что-то отыскать в предбаннике.

– Какая лиса?

– Обыкновенная.

Тут до него дошло.

– Это ты, что ли, Лиса? – Удивленные интонации сменились самодовольными. И конечно, настало время плоского юмора. – А с виду – так человек.

Ха-ха!

– Я – оборотень. Кицунэ, – произнесла я угрожающе, но мои слова произвели обратное впечатление.

– Лиса, – проговорил Тимофей для себя; медленно и аккуратно, внимательно вслушиваясь и словно пробуя на вкус. –

Тогда я – Грач.

– Очень приятно.

Он помолчал еще немного:

– Как думаешь, менты уже ушли?

– Так это были менты? – ошалело выдохнула я, и неудивительно, что у меня сразу возникло желание отодвинуться подальше.

Тимофей посмотрел озадаченно.

– Ты чего?

– А вдруг ты – маньяк-убийца? Не зря же за тобой полиция бежит.

Он, кажется, обиделся.

– Я похож на маньяка-убийцу?

– Откуда мне знать, как они выглядят. Никогда не встречала.

Теперь Тимофей посмотрел так, будто пожелал мне в ближайшем будущем встретиться с этим самым маньяком, а в свое оправдание сказал:

– Просто оказался не в том месте и не в то время.

– А-а-а! – Я сделала вид, словно что-то поняла и приняла, а Тимофей огорошил меня очередной фразой:

– Здесь можно курить?

– Ты что? Спятил? Соседи мгновенно унюхают. И свалят на меня. А мне это надо?

Он одарил меня очередным недовольным взглядом.
– Ну хоть балкон-то у вас есть? Там-то курить можно?

Я мысленно хохотнула, представив, как Тимофей выслушивает мгновенно сложившуюся в моем сознании фразу, но менять ничего не стала. С упоением наблюдала за тем, как постепенно перекашивается его физиономия.

– Балкона у нас нет.

Далее пауза. Нарочито затянутая.

– Лоджия. Сосед сверху на своей курит. Могу свалить на него.

Впустит ли нормальная девушка предполагаемого маньяка-убийцу, за которым гонится полиция, в свою квартиру?

Я впустила. Но я – нормальная. Точнее, адекватная.

Почти.

Прозвище как один из критериев межличностных отношений

Вместо того чтобы просто топтать на лоджию, Тимофей решил изобразить из себя галантного кавалера. Достал сигарету и благосклонно протянул мне:

– Ты будешь?

– Фу-у! – выдохнула я. – Не переношу запаха табака!

Наверное, это тоже условный рефлекс, выработанный у меня мамой. Случайно. Или нарочно.

Заметив кого-либо с дымящейся сигаретой в радиусе пяти метров, мама начинала демонстративно махать руками, с отворачиванием морщиться и кашлять. Вполне натурально. И теперь то же происходит со мной.

Еще я подумала вот о чем:

– А не боишься, что менты тебя снизу увидят и опять придут?

Тимофей в ответ презрительно хмыкнул.

– Откуда они узнают, что это я? Они меня и тогда-то не слишком разглядели. А тут тем более. Темно, пятый этаж, застекленная лоджия. Я же не собираюсь через край свешиваться.

– Как знаешь.

Я-то прекрасно понимала, что дверь все равно никому не

отопру. Пусть думают, что ошиблись в расчетах, а у нас дома никого нет.

– Только открой раму пошире. Чтобы никакого запаха не осталось.

Тимофей послушно кивнул и скрылся за стеклянной дверью.

Вернулся он как-то уж чересчур довольный жизнью, спросил, широко улыбаясь:

– А почему Лиса?

По-настоящему меня зовут Алиса. Но и Лиса – тоже настоящее. Так меня называют друзья, одноклассники, хорошие знакомые, родные. Хотя родственники обычно выбирают уменьшительно-ласкательные варианты.

Недрузи и не слишком близкие люди обращаются ко мне правильно, по имени или по фамилии. Например, учителя. Они, конечно, не враги и по большей части вполне приятные люди, но вот близкими они никогда не будут.

Интересно, учителей волнует то, что они и ученики – это почти всегда VS?

Алисой назвала меня мама. В честь своих любимых с детства литературных героинь: Алисы Кира Булычева и кэрролловской Алисы. Думаю, со второй она попала в точку.

АЛИСА НА
ПЛАНЕТЕ
ЗАГАДОК

«Вот это упала так упала! – подумала Алиса. – Упасть с лестницы теперь для меня пара пустяков. А наши решат, что я ужасно смелая».

Весь оставшийся вечер я решала, почему впустила Тимофея в квартиру. Ладно – в предбанник. Я же тогда думала, что он в беде. А вот потом? Когда узнала, что он сам – беда? Потому что он меня очаровал?

Ерунда! Он, конечно, парень, но я сразу отказалась воспринимать его как героя моих романтических историй. Место было занято.

Потому что я – глупая и легкомысленная? Или вся такая жутко проницательная и вижу людей насквозь?

Тоже ерунда. Просто я верю в свое светлое будущее. Ну-у, что ничего плохого со мной случиться не может.

Напрасно?

Наутро по школе ходили слухи о том, что вчера полиция

накрыла какую-то точку, где продавали наркотики. В основном школьникам и студентам. Именно в нашем районе. Со всем рядом. И я поняла, в каком это не том месте оказался вчера Тимофей и почему ему пришлось удирать и прятаться. А еще поняла, откуда взялись на нашей лоджии довольство жизнью и запасы широких улыбок. И стало досадно. Зачем он?

А слухи доползли до кабинета директора и вылились на третьем уроке в длинную радиопередачу о вреде наркотиков и профилактике наркомании среди подростков.

Деланно взволнованный голос вещал что-то неудобоваримое типа:

«Подростковая наркомания развивается из-за воздействия на подростка социально-психологических факторов, которое еще более усиливается при наличии неблагоприятного биологического фона. Например, алкоголизма или наркомании у родителей, неустойчивого характера самого молодого человека и тому подобное. К тому же наркомания именно у подростков тяжело лечится. Это связано с тем, что подростки редко дают добровольное согласие на принудительное лечение, а если и дают, то только для того, чтобы избежать других неприятностей. Они рассматривают подобное лечение как форму наказания, и большинство пациентов снова начинают принимать наркотики в течение последующего года. Ведь специальных средств, подавляющих влечение к наркотикам, не существует и в наше время».

Раньше я бы и слушать не стала, отключилась и занялась чем-нибудь своим. А сегодня прислушивалась:

«Профилактика ставит перед собой цель раскрыть тот страшный вред, который способны нанести наркотики. Однако стоит учитывать свойственное

подросткам легкомысленное отношение к своему здоровью».

Конечно, я думала о Тимофее. Ведь нормальный парень. Не урод и не тупица. На ребенка из неблагополучной семьи он тоже не похож. Одет очень даже и на вид такой – как сказать? – ухоженный, домашний. Хм! Конечно, скорее всего, я его больше никогда не увижу. Но я знаю, что он есть, и мне уже не все равно. Почему?

Зато остальных моих одноклассников существование наркотиков вроде как даже порадовало. Потому что уберегло от очередных «пар» и мучительного топтания у доски. Потому что подарило полчаса блаженного покоя или же тридцать минут на спасение души.

– Лиса-а! – донеслось из-за спины пронзительное шипение. – Сделала домашку по алгебре?

Я не успела ответить, а шипение стало требовательным:

– Дай списать!

– Уже Света списывает.

Шипение сменило направленность и зазвучало наглее:

– Румянцева, давай шустрее! Не одной тебе надо!

– Подождешь! Не развалишься! – бросила через плечо

Светка.

Конечно, она и сама в состоянии выполнить домашнее задание. Но у нее не всегда есть для этого возможность. Музыканка, младшие брат и сестра, личная жизнь. А я – человек, ничем из вышеперечисленного не обремененный.

Мы со Светкой вместе с третьего класса. С того самого момента, когда шесть лет назад учительница начальной школы Юлия Анатольевна усадила нас за одну парту.

Наверное, какие-то высшие силы заставили ее поступить именно так: соединить меня и Светку отныне и навсегда.

Надеюсь, что навсегда. Лучшая подруга нужна непременно.

но, а я ее уже нашла. Другой мне не надо.

У Светки необычного цвета волосы, пепельные, и серо-стальные глаза. У нее в характере вообще есть что-то металлическое. Она прямая, упрямая и целеустремленная.

Светка – типичный жаворонок, спокойно просыпается в шесть утра, а потом легко порхает целый день. А я обычно полусонная до обеда, хожу и зеваю и все, само собой, прозеываю. Зато к ночи во мне просыпается жажда жизни, и все мои силы уходят на то, чтобы эту несвоевременную жажду урезонить и все-таки лечь спать. Потому я и никакая до обеда.

В данный момент я – жгучая брюнетка. Крашенная. Не потому что гот или кто-то там еще. Так захотелось.

Все девчонки в нашем классе осветлялись, а я дернулась в противоположную сторону. Спросила у мамы, она сказала: – Я-то не против. А в школу тебя потом пустят?

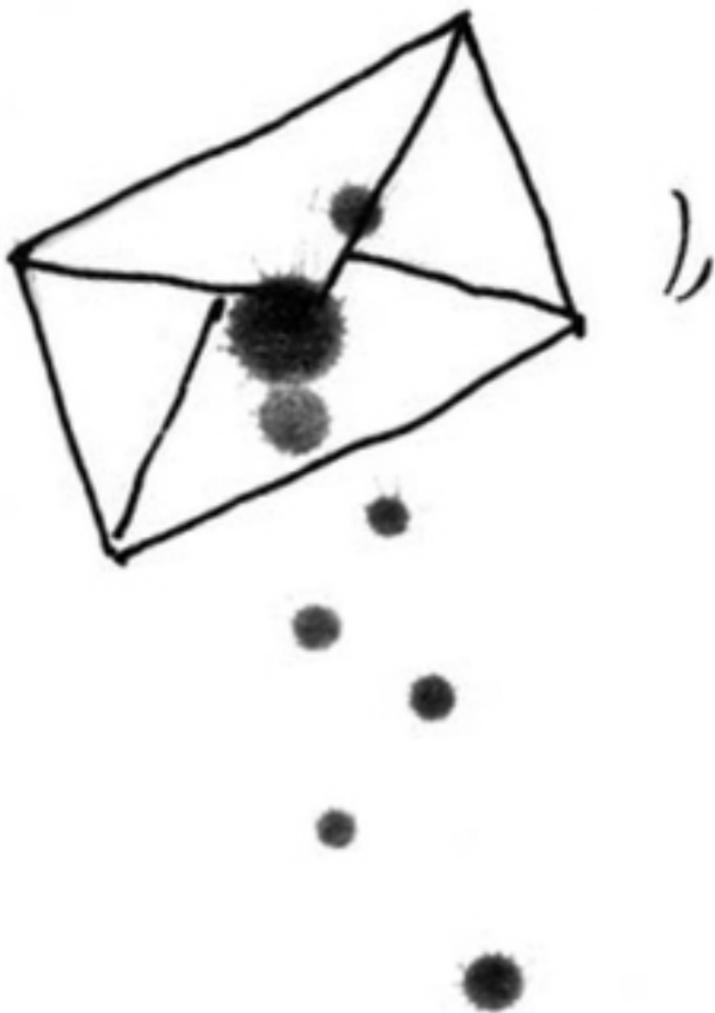
Почему не пустят? Я же не в зеленый и не в розовый. В естественно-черный.

Мама сама меня покрасила. Получилось вполне. Но на следующий день Янка Фокина, натолкнувшись на меня в дверях, с видом знатока заявила:

– Лиса! Ты теперь по цветотипу стопроцентная Белоснежка. Черные волосы – бледная кожа.

Лучше бы молчала!

В эпистолярном жанре

Светка притащила в школу письмо. Самое настоящее письмо! Написанное от руки на бумаге. Редчайшая вещь. Но не историческая.

Светка нашла его воткнутым в щель между косяком и дверью собственной квартиры. Рассказывала и усмехалась. А мне казалось, это она не натурально усмехается, только для вида. Хиханьки там, хаханьки, но на самом деле она поражена и очень рада.

Я тоже усмехалась и хихикала, а про себя подыхала от зависти. Я тоже хочу найти у себя в дверях письмо на бумаге с признаниями в любви.

Хочу! Хочу! Хочу!

Таинственный поклонник расписывал Светке, какая она замечательная девушка, как она ему нравится. Что молчать он не может, а подойти к ней и заговорить не решается. Заканчивалось письмо чем-то вроде: *«Ты даже никогда не смотришь в мою сторону но все равно хочу пожелать тебе веселого дня позетива счастья побольше любви добра и удачи».*

Особенности пунктуации и орфографии мне запомнились лучше самого текста. Такая вот я въедливая, дотошная и, кажется, завистливая. Если бы письмо предназначалось мне, вряд ли бы я обратила внимание на правописание.

Подпись тоже была – «Андрей». А под ней по незаполненному словами пространству листа порхали улыбающиеся во

весь рот смайлики и сердечки с крылышками. Тут уж мы захихикали искренне.

– Как ты думаешь, что за Андрей? – спросила я у Светки.

– Может, Кувшинов? – с сомнением предположила она.

Я представила, как отличник Кувшинов из девятого «А», который способен предложить двадцать три теории происхождения жизни на Земле, рисует сердечки и смайлики.

– Ну нет! Вообще ни одному нормальному парню от пятнадцати и старше не придет в голову рисовать вот это. Наверное, кто-то из восьмого.

А может, даже из седьмого.

– Лиса! Ты уж совсем! – возмутилась Светка. – Скажи еще, из детского сада.

Мы сидели на подоконнике в рекреации третьего этажа, а вокруг нас бурлила и шумела толпа. Поэтому разговаривать нам приходилось довольно громко.

– Значит, остановимся на восьмом. Ты знаешь каких-нибудь Андреев из восьмых?

Светка честно задумалась.

– По-моему, есть там Андрей. Такой темненький. Симпатичный.

«Позетива» в моей подруге было предостаточно и без сторонних пожеланий.

– Нет. Вроде это Арсений. Или Семен? Тараненко – он Сережа, Баранов – Леша, Лунев... Кстати! А как зовут Лунева?

Опять позитив!

Лунев – высокий, голубоглазый блондин с большим улыбочивым ртом.

– Лунева? Кажется, Валера.

Светка досадливо поморщилась, но согласно кивнула.

– Да, собственно, какая разница? – спокойно заключила она. – На кой мне Андрей из восьмого? Что я буду делать с таким маленьким?

– Почему маленьким? Всего на год младше.

– Ну и что? Девушки в нашем возрасте намного обгоняют в развитии мальчиков.

Я бросила взгляд через рекреацию. У противоположной стенки, возле двери в кабинет математики как раз толпился восьмой «В», мальчики которого были, как минимум, на полголовы выше своих одноклассниц. Судя по выражению на лицах, правдивый язык не поворачивался назвать их совсем уж отсталыми. В основном.

– Мальчики тоже разными бывают. Вот Можеева из одиннадцатого встречается с Сокольниковым. – Ну не смогла я отказать себе в удовольствии произнести вслух Юрину фамилию! – А он из десятого. И счастлива.

А как была бы я счастлива на ее месте! Глаза у меня сами собой закатились к потолку. Быстрый полет в страну розовых мечтаний. Я представила, как Юрочка Сокольников с презрением отталкивает от себя Можяеву (та мгновенно исчезает в неизвестном направлении), смотрит на меня пламенным влюбленным взглядом и произносит с придыханием:

«Лиса...»

– Лиса! – орет Светка. – Ты что, заснула? Звонок уже был.

А я-то понадеялась, что это звонят для нас с Юрой райские колокола. Пф!

Светка торопливо сложила письмо и запихнула его в сумку, сминая уголки. А раньше письма от любимых носили на груди, возле сердца. Думаю, они действительно согревали и прибавляли сил. Это вам не эсэмэска – не более тридцати символов – и не сообщение онлайн – гарнитура Times New Roman, кегль 12. Это – тепло руки, дрожь пальцев, забавная закорючка вместо «ч» и характерный росчерк в конце слова.

Пишите письма! Настоящие!

Первым делом – Самолетов

Я сидела дома и читала «Страдания юного Вертера». Вот захотелось мне их прочитать.

«...Бьет полночь! Да будет так! Лотта, прощай!
Прощай, Лотта!..»

Я читаю немножко начало, потом пролистываю середину, узнаю, чем закончилось. Потом опять выхватываю кусочки из середины, возвращаюсь в начало и только тогда продолжаю читать как положено.

Лично мне так интересней. Путь от старта до финиша – самая захватывающая вещь, особенно если не знаешь точного маршрута. Только строишь догадки. Но у жизни, как всегда, свой взгляд, свои закономерности. Сначала: «Как я рад, что уехал!», в конце «...входит слуга со свечой. Он видит своего барина на полу, видит пистолет и кровь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.